

Танамор. Призрачный сыщик

Автор:

[Екатерина Соболев](#)

Призрачный сыщик

Екатерина Соболев

Танамор #2

Вторая книга захватывающей трилогии от автора «Дарителей» и «Анимы» Екатерины Соболев.

Ирландия, 1827 год. Научный прогресс не остановить, и на смену чарам волшебника Мерлина приходит электричество. Вот только ожившие с помощью науки люди превращаются в зомби. Как же восставшим из праха ожить по-настоящему или обрести покой? Чтобы помочь им и себе, убитый, а потом воскресший при странных обстоятельствах Джонни Гленгалл отправляется на поиски затерянной среди зеленых холмов Ирландии деревушки, в которой сотни лет хранился танамор – удивительный талисман, оживляющий не только тело, но еще и душу, и разум.

Екатерина Соболев

Призрачный сыщик

В серии «Танамор» вышли книги:

1. Опасное наследство

2. Призрачный сыщик

© Екатерина Соболев, текст, 2022

© ООО «РОСМЭН», 2022

Глава 1

Моряк и девушка

Лгать умеет каждый. Есть немало видов вранья: можно умалчивать, притворяться, искажать факты, экономно распорядиться правдой, невинно сочинять, вводить в заблуждение и, наконец, вешать на уши лапшу. Я еще в детстве освоил все виды этого искусства, но за последний месяц понял, что зря считал себя таким хитрым. Нет на свете праведника, который хоть раз не прибег бы к одному из этих способов приукрасить реальность.

Ложь свойственна человеческой природе, и именно поэтому правда драгоценна. Она не дается даром и не каждому подвластна, и видеть ее подчас слишком больно. «Милая, тебе совсем не идет это платье». «Нет, малыш, жизнь не станет лучше, когда ты вырастешь. Тебя ждут годы изнурительного труда и сотни минут отчаяния». «Сказки – выдумка». «Да, братец, у тебя лишний вес».

Но правда тоже свойственна человеческой природе, вот такие мы противоречивые существа. Мы стремимся к ней всей душой и на все ради нее готовы. «У тебя салатный лист застрял между зубами, но для меня ты все равно самая красивая». «Я действительно люблю тебя, папа, хоть ты и вел себя как козел». «Я знаю, кто убил эту девушку».

* * *

Смерть постаралась с выбором посланницы: леди была прекрасна. К сожалению, общение с дамами не моя сильная сторона. За свою короткую жизнь я беседовал с ними лишь на сельских балах, пока учился в пансионе (но очень мало и всегда под присмотром, так что не считается). Еще, конечно, я разговаривал со своей дорогой матерью (умерла так давно, что не считается) и садовницей Молли (простолюдинка, не считается). Еще была леди Бланш, соседка, но она сумасшедшая, так что наши беседы, пожалуй, тоже не считаются.

А вот при виде этой красавицы я сразу попросил бы меня ей представить, будь мы на балу. Галантное приглашение, пара ни к чему не обязывающих вальсов, а потом она подарила бы мне кадрили, самый важный и романтический танец из тех, что сейчас в моде, после чего я храбро напросился бы к ее матери на чай.

Но все это – просто мечты. Сейчас мы были не на балу, а на пыльной улице, и я был мертв, и она, судя по всему, тоже, а встретить такого, как я, для меня сейчас смерти подобно. Ха-ха. Не смешно.

– Куда ты смотришь? – спросил меня Бен. – Ты будто призрака увидел.

– Никуда, – сказал я и торопливо отвернулся, пока он не успел проследить за моим взглядом.

Хотя нет, постойте, началось не с этого. Извините за путаность рассказа – мысли у меня в беспорядке, я все-таки не писатель.

Мое имя Джон Гленгалл, я граф, мне восемнадцать лет, и недавно меня убили. А я только-только унаследовал титул! Мой брат Бен (гений, экспериментатор, врач-недоучка) вернул меня к жизни – увы, не до конца, – а наша попытка возродить меня полностью закончилась: а) неудачей, б) ужасным бедствием, охватившим всю Британию.

Вот отсюда, дорогие читатели, давайте и начнем: до встречи с красавицей оставались сутки, я стоял в таверне «Мрачный Волк» и пытался заплатить за три места в дилижансе. Хозяин таверны, конечно, не знал, насколько мне важно попасть в Ливерпуль. Это был в самом буквальном смысле вопрос жизни и смерти. Интересно, надоест ли мне однажды придумывать глупые каламбуры о своем состоянии? Вряд ли.

– Любезнейший, повторяю: мест нет! А знаете почему? Потому что дилижансов нет, движение парализовано на всех дорогах! Вы что, с луны свалились?

Хозяин таверны был бледен, взволнован и зол. Я его понимал: восставшие по всей Британии мертвецы кого угодно выбьют из колеи. Кого угодно, кроме трех человек: одним был я, остальные двое маялись у входа в таверну, ожидая, чем закончится беседа.

– А собственно, почему движение закрыто? К чему такая драма? – миролюбиво спросил я. – Да, признаю, они восстали, но ведь, если верить газетам, лишь те, кто почил за сутки с шестнадцатого по семнадцатое марта, а их не может быть много. Да и, насколько я видел, бедолаги незлобиво бродят туда-сюда. Вряд ли они в состоянии грабить дилижансы.

Трактирщик воззрился на меня.

– Они бродят, – внятно повторил он. – Мертвые. Ужасные. Бродят без всякого направления. Повсюду.

– Не так уж их много и не такие уж они ужасные. Дилижанс вполне может объехать несчастного, если встретит. Впрочем, за идею с дилижансом я не держусь, мне подойдет любая карета, было бы кому управлять ею. – С этими словами я улыбнулся еще приятнее, вытащил три золотых фунта и брякнул на стол.

– Да сказал же: не поедет никто, – проворчал мужчина, но на деньги уставился как замороженный.

– Это лично вам, за содействие. И столько же тому, кто отвезет нас, – когда доедем. Найдите такого человека.

– До Ливерпуля путь неблизкий. Сутки или больше, да по таким опасным дорогам...

– Вы правы, – согласился я. – Пожалуй, возница будет достоин шести монет, а не трех.

Какое-то время трактирщик смотрел на монеты, а потом сказал то, что я и хотел услышать:

– Я мог бы сам вас отвезти. Жена тут вместо меня управится, посетителей нынче все равно мало.

Есть! Я невольно погладил карман жилетки. С предметом, лежавшим там, были связаны все мои планы на будущее, и первый пункт я, судя по всему, только что выполнил.

Планы были такие:

Добраться до Ливерпуля (город на западном берегу родного британского острова) – почти готово!

Нанять лодку (корабль? Паром? Что там люди нанимают, когда им нужно пересечь пролив?) и достичь берегов Ирландии.

Выяснить, где на ирландском острове находится легендарная деревенька, откуда отец и его сослуживцы тридцать лет назад опрометчиво увезли танамор – реликвию, способную вернуть жизнь мертвому. И нет, это не сказка, я сам видел, он оживляет! Правда, побочных эффектов у волшебного трилистника оказалось предостаточно, и эти эффекты теперь бродили по всей Великобритании.

Отправиться в деревеньку, выяснить у бывших хранителей танамора, как упокоить восставших мертвецов (кто может это знать, если не они?).

Выяснить у них же, как ожить по-настоящему лично мне, потому что упокоиться я не хочу, мне всего восемнадцать! Меня так глупо убили, а я достоин жизни. Не может столько неудач предназначаться одному человеку.

Ожить.

Начать новую жизнь, полную приключений и каких-нибудь благородных свершений. Может, стану поэтом, как лорд Байрон. Или врачом. Или поставлю балет. Живым любые дороги открыты, успею выбрать.

Предаваясь сладким размышлениям, я вышел на улицу. Бен и Молли ждали меня, окруженные саквояжами.

– Не вышло? Так и знал, – проворчал Бен.

Тем приятнее было увидеть, как вытянулось его лицо, когда из каретного сарая бойко выехала повозка. Ха, и кто из нас теперь умный братец? – Залезайте, пока не передумал, – подозрительно буркнул трактирщик: дневной свет мне красоты не прибавил. – Надеюсь, денежки при вас.

Помочь с багажом он не стремился, но Молли ловко закинула наш скарб на крышу кареты и привязала болтавшимся там ремнем, а затем помогла мне забраться внутрь. Я старался не показывать, как тяжело мне это далось, – трактирщик и так глядел с недоверием, которое грозило перевесить любые финансовые аргументы.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Бен, когда мы наконец разместились и карета тронулась.

– Великолепно, благодарю.

Байрон на моем месте тоже соврал бы. Мужчина не должен давать волю слабости.

– Вот и славно, мистер, – заулыбалась Молли. – Моя семья вам обоим так обрадуется, уж я расскажу, как вы меня спасли! Просто будьте собой, мистер, и всем понравится, хоть вы сейчас и... ну... страшноватый, если честно. Но ведь главное – душа, а она у вас добрая, хоть это и не сразу заметно.

Молли никогда не врет, но в такие моменты, как этот, я предпочел бы добавить в ее слова немного сладкой лжи. Я отвернулся к окну. Из-за того, что мы сделали, улицы Лондона были пусты, все таились по домам. Неприятно сознавать, что сослужил прекраснейшему городу земли такую дурную службу.

– Вот люди страху-то натерпелись, – прошептала Молли у меня за плечом. Видимо, думала о том же. – У нас ведь получится упокоить мертвых, когда мы трилистник в ту деревню вернем? Если нет, то...

Тут карета резко вильнула. Навстречу заплетающейся походкой брел восставший мертвец – судя по одежде, моряк. Чуть не угодив под карету, он и не подумал остановиться, но, когда мы проезжали мимо, он сонно повернулся в нашу сторону.

Я дернулся от неожиданности. До этого я был уверен, что мы с восставшими совершенно разные: они бессмысленные ходячие машины, а я, ну... я в порядке, мыслю и говорю как живые, разве что двигаюсь без изящества. Но моряк повернул голову, будто услышал, как его позвали, а я высунулся из окна, наблюдая за ним, и на секунду наши взгляды встретились.

Мне показалось, что сознание восставшего (отсутствующее! Какое там сознание, он же неразумный!) коснулось моего и потянуло к себе: мертвое, душное, цепкое. Я панически дернулся назад, но куда там. Он тянул меня к себе, как морские чудовища на картинах тянут на дно корабль. Что-то тяжелое ударило меня по голове, и я упал с высоты в воду, почувствовав все сразу: боль, ужас, ноющее сжатие в груди, тяжесть воды над головой. Одна рука не двигалась, вода вокруг нее была мутной. Кровь хлестала из раны над локтем, и я забил другой рукой по воде, рванулся вверх, но намокшая одежда тянула вниз, солнечный свет удалялся, превращаясь в зыбкую рябь далеко вверху. Я простирал здоровую руку к этим сияющим бликам, пока звон в голове не превратился в невыносимый гул. Мои пальцы, такие бледные в пронизанной светом воде, продолжали тянуться вверх, пока не...

– Джонни!

Кто-то встряхнул меня с такой силой, что зубы лязгнули, и я распахнул глаза. Надо мной нависали Бен и Молли, причем держали они меня почему-то на весу: он – за плечи, она – за ноги. Когда я очнулся, меня от неожиданности выронили, и я упал спиной на что-то твердое, – кажется, на мостовую. Собрав все свои интеллектуальные силы, я выбросил из головы видение удаляющихся солнечных бликов и сосредоточился на том, что происходит вокруг.

А происходило много всего: возница-трактирщик стоял рядом и вопил как резаный, Бен пытался что-то ему втолковать, Молли радостно суежилась около меня, пытаясь оторвать от мостовой, а какие-то незнакомые люди теснились поблизости и тыкали пальцами в мою сторону.

– Мертвяк! – вопил трактирщик. – Люди добрые, чего творится-то!

Я определенно упустил момент, когда случилась какая-то неприятность, но сообразил главное:

1. Нужно заплатить, это сразу его заткнет.

2. Я не в море, мне привиделось!

Я порылся в кармане и сунул ему деньги, не вставая с мостовой, но забыл, как холодна моя рука. Хозяин таверны взвыл от ужаса (но деньги, конечно, не выронил), вполз обратно на место возницы и дал деру, нахлестывая лошадей. Ну и скатертью дорожка. Теперь надо разобраться с остальными.

– Я не мертвый, – громко сказал я зевакам, которые собрались на крик трактирщика, хотя голос предательски дрогнул. – Послушайте, как связно я говорю. Восставшие на это не способны.

Судя по испуганному рокоту, это их не убедило, и я решил вопрос самым действенным способом: запустил руку в карман, вытащил пригоршню монет и швырнул в толпу.

Ну вот, другое дело. Когда вступаешь в битву за деньги, становится не до воплей. Я преспокойно встал, прошел мимо ползающих по мостовой зевак, взял Бена под локоть и повел прочь. Потом сообразил, что Молли рядом не видно.

Она обнаружилась чуть дальше на дороге: торопливо собирала что-то с пыльной земли. Наряд у нее был как у дамы (лиловое платье и соломенная шляпка нашей с Беном матери), но по земле она ползала резво, как девчонка, совершенно не оберегая юбку.

– Возница, собака этакая, уехал с нашими вещами на крыше! – гневно выпалила она. – Я-то не промах, кинулась за ним и лошадь под уздцы схватила, но гад ее хлестнул, и она на дыбы встала и вырвалась. Тогда я прыгнула и успела один саквояж с крыши сбить, он плохо держался. Правда, саквояж меня по голове приложил, аж искры из глаз посыпались. А пока я проморгалась, карета уехала уже. Доктор, мистер, давайте найдем еще одну карету, догоним и накрестыляем

ему, а? Ух, как я ему врежу!

Я слушал с невольным уважением: сам я вряд ли был бы способен с такой львиной яростью сражаться за багаж. В лопнувшем при падении саквояже, к сожалению, оказались не мои наряды (мои замечательные наряды! Ну что за день!), а детали электрической машины Бена. Я покосился на него и обнаружил, что Бен не помогает подбирать свой драгоценный аппарат с земли, а просто стоит и на что-то дует, угрюмо протирая пенсне краем сюртука.

- Не переживай, - примирительно начал я, - подумаешь, что-то сломалось. Ты же свою машину из ничего собрал, значит, и второй раз соберешь, ты же у нас гений.

Как ни странно, Бена мой щедрый комплимент не ободрил.

- Думаешь, я расстроен из-за машины?! Ты сутки был без сознания, Джон! Мы тебя растолкать не могли, я из-за этого не спал, не ел, я даже... даже о магнетизме ирландских камней подумать не успел!

Ха. Что за ерунда.

- Сутки? Не смейся. Я на минутку глаза закрыл, - с деланной веселостью начал я, хотя в душе успел весь похолодеть. - Снилась чушь какая-то, но...

- Доктор правду говорит, - поддакнула Молли, продолжая собирать детали и бережно протирать их от пыли. - Вы еще в Лондоне без чувств свалились, едва в окно не выпали. Мы вас потом толкали, трясли, звали, но тихонечко, чтоб возница не услышал и нас не вышвырнул. Вы даже глаза не закрыли, тарацились перед собой, как рыба! Тогда доктор хотел свою машину собрать и по новой оживление начать, да я его уговорила дать вам просто отлежаться: лучше в Ирландию поскорее, там всем бедам конец!

От страха мне стало немного тошно. Главное - ни в коем случае этого не показать, я как предводитель похода должен быть самым мужественным и уверенным в себе. Саквояж был безнадежно порван, и Молли, стащив с себя плащ, завязала в него детали, как в походный узел. Я хмуро глянул на Бена: меня растрогало, что он за меня беспокоился. Из нас двоих это я - приспособленный к жизни весельчак, который всегда выходит сухим из воды, и

мне хотелось оставаться в его глазах именно таким, а не обузой, которая ставит под угрозу весь поход.

Как такое возможно, чтобы мимолетное видение падения в воду длилось так долго? Ох... Я сообразил: оно пришло, когда я встретился глазами с моряком. Вдруг это было сценой его смерти? В этом определенно имелась логика. Моряк ведь мог погибнуть в море? Мог.

Час от часу не легче! Как будто мало было мне неприятностей в виде восставших мертвецов, лишенных души и разума. Надеюсь, такое не будет происходить каждый раз, стоит мне встретиться с кем-то из них взглядом? Я не хочу видеть, кто как умер! Паника стиснула мое сердце так, что дышать стало тяжело.

– О чем задумался? – спросил Бен. – Поделись, будь так добр.

– Ни о чем, – бодро ответил я. Молли была права: надо добраться до волшебной ирландской деревни, избавиться от танамора, и все ужасные события останутся позади. – А где мы сейчас?

– Так в Ливерпуле! – Молли с криком взвалила на плечо узел с деталями. – Мы как доехали, стали вас из кареты выносить. Возница решил, вы в дороге померли, и тут вы ка-а-ак сядете! Вот он заорал-то! Прохожие сбежались, и... Ой, а вот и они, прямо на нас смотрят.

И правда: зеваки, к сожалению, уже подобрали деньги и, стоило нам сделать пару шагов, потащились за нами. Я обернулся через плечо, вытаращил глаза и зарычал. Обычно я решаю проблемы более изящно, но и в этот раз получилось неплохо: люди с визгом бросились прочь. Похоже, выглядел я действительно так себе.

«Ну и отлично», – злорадно подумал я. И внезапно понял, что зажимаю несуществующую рану над локтем: меня не оставляло чувство, что из руки по-прежнему хлещет кровь. Я зажмурился. В этом видении все было таким настоящим, я чувствовал боль, страх, влажность воды, бешеное биение сердца. Утешало одно: теперь я на шаг ближе к исполнению своего великого плана по возвращению к жизни, пусть дорогу в Ливерпуль мне и хотелось бы запомнить получше.

– Нужно на корабль, – забормотал я. – Тут должно быть море, или какой-то пролив, или... А!

Кряхтя, я побрел туда, где виднелась широкая полоса воды, сминаемой ветром. Так вот какое оно, море. Будь у меня нюх, я, наверное, учуял бы соленый запах, который часто упоминали поэты, но приходилось полагаться лишь на глаза. От порта нас, увы, отделяло множество уродливых конструкций, – наверное, вот так неромантично и выглядят судоверфи, где строят и чинят корабли.

– Мы что, не обсудим, что с тобой было? – продолжал занудствовать Бен, шагая следом. – Я измерял твое сердцебиение каждый час – те же тридцать ударов в минуту, что и прежде, но ты не реагировал ни на какие сигналы! Записи осмотра я сделал, хотя...

– Бенджамин, забудь, – отмахнулся я.

На более длинную беседу не было сил. Но Бен замолчать не мог и, чтобы не слушать его причитания, я заковылял быстрее, с интересом озираясь. Когда мы покидали Лондон, небо закрывали облака, а тут было солнечно, и я невольно почувствовал радость: два оттенка синего, вода и небо, встречались на горизонте, и это было удивительно красиво.

Корабли, теснившиеся у берега, тоже были восхитительны – огромные, легкие. Поистине волнующее зрелище! А вот сухопутная жизнь впечатления не производила: повсюду стоял оглушительный гвалт, кто-то кем-то командовал, кого-то оскорблял, с кем-то торговался. Тут, конечно, была еще не Ирландия, а родная британская земля, и все же в порту бродили люди самого низкого сорта – с такими мне не приходилось сталкиваться ни дома, ни в пансионе. В обычный день я бы не решился подойти к кому-то из этих чумазных, загорелых мужчин и нанять лодку, очень уж это неуместно для джентльмена, но сейчас я был выше (или на шесть футов ниже, ха-ха) всех этих условностей.

Я подошел к обшарпанной парусной лодке. На борту возился с мотком сетей моряк, который меньше других походил на отъявленного головореза, да и лодка была маленькой – он явно управлялся там один, а лишнее внимание мне не нужно.

– Приветствую. Сколько возьмете, чтобы отвезти нас в Ирландию?

Моряк уставился на меня без удовольствия, но все же, к моему облегчению, с криком «Помогите, мертвец!» не сбежал.

– У тебя чума, что ли, сынок? – настороженно бросил он. – Чего такой зеленый?

Ну не такой уж и зеленый!

– Восстанавливаюсь после тяжелой болезни, это не заразно. Ответьте на вопрос, будьте так любезны, а то я найду, кого еще спросить.

Моряк хмыкнул. Похоже, моя дерзость ему понравилась.

– Забавное дело: люди вечно из Ирландии к нам хотят добраться, а чтоб наоборот, такого я еще не видел, – проворчал он. – Подозрительно как-то. Не повезу.

– Два фунта.

– Мало.

– Пять.

– Ладно уж.

Вот бы все вопросы так легко решались! Я охотно ему заплатил.

Отправление было намечено через час. Бен, завидев таверну, повел туда Молли. По их взглядам я понял: лучше мне побыть снаружи и дать им спокойно поесть, вместо того чтобы отбиваться от тех, кто пристанет ко мне с вопросами. Я уселся на скамейку в тени, чтобы привлечь поменьше взглядов, сделал вид, что мне вовсе не обидно быть покинутым в одиночестве, и приготовился ждать.

Тогда и случилась та самая встреча.

С момента прибытия в Ливерпуль я не видел ни одного восставшего и изо всех сил старался о них забыть, поэтому девушку заметил, только когда она подошла

совсем близко. Прекрасная блондинка, знатная, хорошо одетая. Даже слишком хорошо. Я неплохо разобрался в нарядах, и пусть одежда для похорон не была областью моих интересов, я был уверен: людей не хоронят в шляпках с вуалью и с зонтиком в руках. Но у девушки имелось и то и другое.

Остальные восставшие были постоянно в движении, а она просто стояла, и если бы не остановившийся, стеклянный взгляд, я бы не понял, что она из них. Сосредоточенная, деловитая, – как будто сама Смерть послала ее за мной, узнав, что я застрял на пути к ней. В подтверждение моих мыслей блондинка протянула мне руку, и я нашел в себе силы вскочить. Главное – ни за что не смотреть в глаза! Вдруг я увижу, как она умерла, а потом еще сутки не смогу проснуться?

«Грешникам покоя нет» – гласит поговорка. Думаю, какой-нибудь праведник на моем месте даже обрадовался бы, что окончательно покинет мир в такой прекрасной компании, и сказал бы что-то внушительное, вроде «час пробил, я готов идти за тобой». Вот только праведником я не являлся и уйти был не готов, поэтому издал полный ужаса хрип и бросился прочь, пытаюсь набрать скорость на своих негнущихся ногах. Оглянуться я боялся: вдруг она движется за мной, не касаясь земли, как мстительный призрак из романов? Прервать мое бегство удалось только камню на мостовой – я споткнулся и рухнул плашмя. Тихонько покосился через плечо. Залитая ярким солнцем улочка, вокруг никого. Уф!

Ни за что не вернулся бы, но не мог же я покинуть своих бедных спутников. Куда они без меня доберутся? Никуда. Поэтому я прокрался обратно к площади и с бесстрашием, достойным графа Гленгалла, выглянул из-за угла. Блондинки не было.

Тут из таверны, оживленно беседуя, вышли Бен и Молли. Поразительно, как расцветают лица живых после вкусного обеда. Неужели я сам был таким же? Я подошел к ним, зорко озираясь, – больше никто не подберется ко мне незамеченным, ни живой, ни мертвый. В конце улицы мелькнула шляпка с вуалью – та или не та? Движется в нашу сторону или нет?

– Куда ты смотришь? – спросил меня Бен. – Ты будто призрака увидел.

– Никуда, – сказал я и торопливо отвернулся, пока он не успел проследить за моим взглядом.

Больше всего мне хотелось спросить Бена, могут ли быть на свете еще такие же, как я, – полуживые, но не безмозглые, – но он потом от меня с этим не отстал бы, так что я предпочел держать язык за зубами и гордо проследовал обратно в сторону порта. Молли с Беном пошли следом, оживленно обсуждая обед, и меня кольнуло неприятное чувство. Им ведь не может быть весело без меня, верно? Это было бы просто невыносимо.

Я опасался, что хозяин нашей лодки понял: я не вполне жив. А вдруг встретит нас с какими-нибудь злобными приятелями, чтобы похитить ради выкупа? Но моряк не подвел. Ждал нас в одиночестве и, как положено бравому морскому волку, которых я видел на картинах, курил трубку.

Мы загрузились на борт (если вы никогда не бывали на лодках, даже не пробуйте, – там ужасно качает, лучше любоваться ими со стороны). Неугомонный Бен все высовывался подальше за борт, пытаюсь разобраться, как лодка держится на воде, потом громко начал сетовать на качку и скверное самочувствие. Молли была свежа, как роза, и трогательно жалела беднягу Бена, а я жалел, что меня не может укачать: тело ощущалось неподвижным и одеревенелым, как колода, которую приходится за собой таскать.

Из оцепенелой, тупой неподвижности меня вывел спор над ухом, начало которого я, увы, пропустил. Солнце уже зашло, берега было не видно, вокруг раскинулась вода, серая, беспокойная от ветра.

– Ой, да ну вас, доктор! – сердилась Молли. – Да, у нас нет этих ваших... локомотивов, зато люди добрые и друг за друга горой и природа самая красивая на свете.

– А еще полная дикость нравов и неразвитость наук, – снисходительно бросил Бен, будто хоть раз бывал где-то, кроме школы и Лондона.

– Раз вы такой умный, вот и оставайтесь у нас и развивайте эти самые... нравы и науки!

– Пф, – польщенно фыркнул Бен, и Молли принялась с жаром рассказывать, как прекрасна и зелена Ирландия.

Я слушал их тихие разговоры, чувствуя себя мертвым, как никогда. Ну что со мной такое! Мне хотелось открыть глаза, поучаствовать в разговоре, посмеяться над Беном, распушить перья перед Молли, я ведь в полном порядке, почти не отличаюсь от живых, но что-то глубоко внутри меня при втором оживлении умерло куда сильнее, чем при первом. Я ведь уникальный, я дважды вырвался из лап самой смерти, но знакомство с ней, кажется, не прошло для меня даром. Интересы и разговоры живых казались чуждыми и далекими, дно лодки умиротворяюще раскачивалось, и так приятно было лежать тихо и неподвижно, как... Я мотнул головой. Нет уж, я еще повоюю. Нельзя сдаваться, иначе конец.

– Моя мама так вкусно бараний желудок готовит! – шептала Молли. – Вы пальчики оближете.

– Я бы предпочел чай с вареньем, – ответил Бен. – Сладкое благотворно действует на мозг.

– А желудок – на желудок! – хохотнула Молли, и Бен добродушно фыркнул в ответ, что было совсем на него не похоже.

Им все-таки было весело, представляете? Весело без меня.

Ночь была долгой, но все же кое-как доползла до рассвета, а когда серость побледнела, вдали показался берег. Молли вскочила и радостно завопила, чуть не перевернув наше суденышко.

– Вот сейчас вы увидите! В середине порт будет, а по бокам – зеленые утесы и поля. Такая красота! Я все смотрела на них, когда год назад родину покидала, все глаза проплакала!

Но чем ближе мы были к берегу, тем бледнее становилась улыбка Молли. Она щурилась, всматриваясь во что-то вдалеке, и я глянул туда же, не покидая своего лежачего поста на дне. Никакого поля не было – над берегом тянулись полосы дыма, и сначала я решил, что там пожар, а потом понял: нет, это дым из труб. Повсюду виднелись большие кирпичные здания: грубые, простые, построенные явно не для того, чтобы услаждать взор. Ирландия оказалась совсем не такой, как мне представлялось, и я даже сумел немного удивиться. Я-то думал, тут сплошные поля, овечки и пастухи, играющие на свирелях.

– Зачем они изуродовали берег? – возмутилась Молли. – И как они успели это выстроить всего за год?!

– Промышленная революция, – сказал Бен тоном, каким другие сказали бы «вкуснейший пирог» или «прекрасная девушка». – Ну надо же! Я думал, сюда она доберется лет через пятьдесят.

– Это фабрики Каллахана, – внезапно пояснил моряк. – Даже я про них слышал.

– А что они производят? – с острым любопытством спросил Бен.

Но моряк только пожал плечами и молча переставил парус.

Глава 2

Дом, милый дом

Мы сошли на берег, и я мысленно вычеркнул из списка пункт «добраться до Ирландии».

– Сердце рвется, – мрачно заявила Молли, оглядывая толчею на берегу. – Тут было так зелено!

– Ну, ты сама говорила, что вам трудно найти работу дома, вот и едете в Лондон, – философски изрек Бен: по его меркам это была невероятно любезная поддержка. – Теперь тут можно работать, это же хорошо, разве нет?

– Какой же вы черствый! – взревела Молли. – Не разговариваю с вами!

Бен быстро утешился: он любил все новое и принялся жадно оглядывать улицу, хоть в ней не было ничего экзотического. Беднее, чем в Лондоне, а в остальном картина знакомая: торговцы, экипажи, спешащие куда-то люди. Только минут через двадцать до меня дошло, чего тут не хватает.

– А где восставшие? – спросил я.

И правда: никто не прятался по домам, как в Лондоне, жизнь шла своим чередом. Неужели газеты ошиблись, и бедствие накрыло не всю Великобританию? Я завертел головой в поисках чего-то, что могло бы внести ясность, и заметил на стенах домов потрепанные листы бумаги, похожие на вырванные из книги страницы. Но зачем лепить их на стены? Такого я еще не видел. Я подошел ближе.

– Встречал такие объявления в Лондоне, – тоном эксперта сказал Бен, остановившись рядом со мной. – Бумаги, на которых люди пишут, что хотят продать или купить. Но я раньше не видел, чтобы их печатали на станке. О, гляди, они не от частного лица, это фабрика рассказывает о своих товарах. Какой отличный способ донести мысль до большого числа людей! Возмутительно, что первыми до такого дошли в Ирландии.

Я понимал его возмущение: наш отец участвовал в войне за присоединение Ирландии к Великобритании, и в пансионе нас всегда учили, что дикие островитяне-ирландцы жили впроголодь, не умели читать и не знали света культуры, пока наш великий народ не пришел освободить их от невежества, взамен потребовав всего-то налоги и подчинение нашему королю. Для нас – повод для гордости, а для них – выгодная сделка, вообще-то! Конечно, Молли принялась бы возражать, но столько образованных людей просто не могут ошибаться.

А Бен все не отрывался от объявлений, хотя эти штуки никак не отвечали на вопрос, где восставшие. Я тоже присмотрелся и тут-то понял, зачем на них картинки: там, где мало кто умеет читать, это, видимо, необходимо.

– Мне нравится этот Каллахан. Хотел бы я с ним познакомиться, – заинтересованно пробормотал Бен. – Наука на службе жизни! Вот об этом я всегда и говорил!

И правда, на всех объявлениях повторялась одна и та же фраза: «Каллахан меняет ваш мир!» и эмблема: шестеренка и элегантно обвившийся вокруг нее вьюнок. Этот Каллахан предлагал дрова, уголь, готовое платье, сталь, зубной порошок, – я не мог понять, как один человек может делать столько всего одновременно. А еще я вспомнил, где видел тот же знак: на борту некоторых кораблей в порту Ливерпуля. И Бен, похоже, вспомнил тоже.

– Какое производство наладил! Лодки, уголь, сталь. Наверное, он англичанин, – одобрил Бен.

– А вот и нет! – взревела Молли, вся потная от того, что ей приходилось тащить узел с деталями машины Бена. – Это наша, ирландская фамилия, выкусите! У нас тоже великие люди есть!

Потом она увидела что-то и помрачнела. Я проследил за ее взглядом. На железной решетке, окружавшей унылое новое здание, многократно повторялся тот же знак: шестеренка, обвитая вьюнком.

– О, это его заводы, – восхитился Бен. – А производят они, видимо...

– Адское пламя! – взвыла Молли, ткнув пальцем в дым, валящий из труб.

Мои эстетические чувства этот дым тоже оскорблял. Бен, впрочем, нашего мнения не разделял.

– По-моему, все должны сказать ему спасибо. Будущее создают люди с воображением, деловой хваткой и смелыми идеями, – заявил Бен, явно имея в виду и себя.

– Да тут все было куда лучше: поле, здания не выше двух этажей!

– В общем, деревня.

– Еще одно слово, и останетесь без крыши над головой, – бросила Молли и зашагала дальше, – потому что я вас тут брошу и пойду домой одна. Посмотрим, как вы запоете!

– Запоем отлично, – сказал Бен, ткнув в еще одно объявление. – Тут написано, что Каллахан открыл комфортабельную гостиницу для приезжих по адресу Говард-стрит, шесть.

Молли зашипела и ускорила шаг.

– Чтобы строить новый мир, надо подвинуть старый, в этом и состоит труд ученых и коммерсантов! – крикнул ей вслед Бен и все-таки умолк, влюбленно провожая взглядом каждое новое объявление.

В том, что он нашел бы общий язык с этим типом, я не сомневался. А потом Бен увидел одно объявление, самое новое, даже чернила еще блестели, и удивленно остановился. Я посмотрел туда же.

Вот так мы и узнали, почему на улицах города нам не встретилось ни одного восставшего. Газеты не ошибались, катастрофа произошла по всему королевству, и тут тоже, вот только... На картинке был очень похож изображен восставший, со стеклянным взглядом бредущий в большое некрасивое здание, а подпись гласила: «Не искать причины, а принимать меры! Ведите бродящих мертвецов на фабрику Каллахана по адресу Ред-стрит, 1, за каждого – 10 шиллингов наличными. Очистим город вместе!»

Сумма была напечатана особенно крупно, чтобы даже те, кто не умеет читать, поняли, что можно заработать. И, судя по отсутствию восставших, идея пользовалась успехом.

– Десять шиллингов! – процедила Молли, которая мгновенно ухватила суть, даже будучи неграмотной. – Хорошие деньги.

«Не вздумай избавиться от меня за такую мелочь», – подумал я.

– Идемте, пока нашего мистера тут кто-нибудь не прикарманил, – сказала Молли, пристыдив меня своей добротой. – Всего два часа пешком, если поднажмем. Мы живем в деревне, тут недалеко. Я каждую пятницу, как на ферме дела закончу, в город ходила работу поискать. Вот на этой площади мы собирались. Однажды услышала: ищут работников в Лондон – и решилась. А теперь тут кто? Никого! Злые дела творятся.

– Очень злые, – проворчал Бен, таща меня следом за собой по плохо уложенной брусчатке. – Безработица побеждена, ну что за кошмар!

Конечно, я предпочел бы сразу приступить к поискам деревни праведников, но идея отдохнуть где-нибудь в безопасности, полежать неподвижно, как камень, казалась такой соблазнительной, что я не стал спорить.

– Не объясняй своим родичам, что я... не совсем живой, – пробормотал я, удивившись, как же трудно стало говорить.

– А то они не заметят!

– Если я буду достаточно учтив, не заметят.

– Да почему вы вечно прикидываетесь? – буркнула Молли, косясь на меня.

– Правда далеко не всегда лучше, чем ложь.

– Но правдивее – точно. Неужто боитесь, что вас за десять шиллингов загонят? Мои родичи не такие! Какой же вы иногда... противный человек!

– И еще мы никому не скажем, что восставшие появились из-за нас, – продолжил я, и глазом не моргнув. Потому что не мог моргать, ха-ха. – Если скажешь хоть кому-то, Молли, я буду очень раздосадован.

– Напугали, аж коленки дрожат. Вранье и скрытность до добра не доводят, извольте запомнить. Хотя этому вас еще в детстве должны были учить, теперь уж, видать, поздно.

– Ой, вот тебя забыл спросить! – вспыхнул я, и Молли обиженно отвернулась.

Но я просто не доверял никому на свете, кроме себя, и эта линия поведения никогда меня не подводила. Бен и Молли – славные, но спасти Великобританию и себя заодно могу только я.

Я – граф Джон Гленгалл, и ничто меня не остановит.

* * *

...Кроме ужасных, изрытых колеями дорог! Шли мы куда больше двух часов. Если точнее, то целую вечность, и это притом что провожатый у нас был весьма резвый. Надеюсь, не я всех задерживал. От усталости я еле переставлял ноги, движения были деревянными, неестественными, и это сослужило мне плохую службу: не успели мы дойти до окраины города, как к нашей процессии пристал какой-то мужчина.

- Мертвяк, - зловеще заявил он, ткнув пальцем в мою сторону. - Ваш или ничей?

- Наш, - твердо сказала Молли.

Бен опешил от бестактности вопроса и только глазами хлопал.

- Продаете? - осведомился мужчина. - Дам три шиллинга и сам доставлю его к Каллахану, а то вы не в ту сторону идете. Не местные, небось?

Ну тут уж я нашел в себе силы открыть рот.

- Любезнейший, - просипел я. - Вы хам.

Эффект был что надо: похоже, наглеч не привык, что люди в моем положении способны за себя постоять. Он глупо вытаращился и бросился прочь, поминутно оглядываясь через плечо. Я победно оскалился ему вслед. Он вскрикнул и набрал дополнительную скорость.

Теперь, когда стало ясно, что каждая собака может догадаться, в каком я состоянии, похитить меня и продать за десять шиллингов, я из последних сил ускорил шаг. Город закончился, и теперь мы шагали по дороге мимо жалких домишек, ряд которых время от времени прерывался каким-нибудь голым полем.

- Что-то плохо сеют в нынешнем году, - бормотала Молли. - Обычно в это время все на полях, а тут, видать, мертвецов боятся. И все же как хорошо дома быть! Родной воздух!

– Я чувствую только навоз и сырую землю, – приняхавшись, трагически сообщил Бен.

– А я вообще ничего не чувствую и сейчас об этом не жалею, – сказал я.

Мы шагали в унылом молчании, пока Молли не остановилась у одного из убогих домишек.

– Мам! – гаркнула она во всю силу своих живых легких.

Дом из грубых серых камней был полностью лишен архитектурных красот. Рядом ютился сарай, вокруг которого, квохча, бродили куры. Заборов и оград тут не было в принципе – похоже, местные фермеры из поколения в поколение передавали знания, от какого куста до какого камня простираются их владения. Мы с Беном переглянулись. Сейчас, в столь чуждой нам обоим среде, я как никогда прочувствовал наши родственные узы: мы с ним оба и в деревне-то никогда в жизни не были.

Из дома выскочила низенькая растрепанная женщина, увидела Молли и с визгом бросилась навстречу. Последовали бурные слезы и объятия. Потом женщина заметила нас.

– Ой, я думала, ты из Лондона вещей каких-нибудь привезешь, а ты вместо них вон кого прихватила, – громко зашептала она, лишней раз доказав, что простолюдины учтиво здороваться не умеют. – И который из них твой? Надеюсь, тот, что посимпатичней.

А вот это приятно! Я уже мысленно простил ей грубость – и тут понял, что она смотрит на Бена. Вот негодяйка! Я расправил плечи и задрал нос. Мое прискорбное состояние не заставит меня потерять веру в себя и спасовать перед какой-то деревенщиной.

– Мама, все не так просто, – размазывая слезы по лицу, сказала Молли.

– Ты у меня не промах! – Мамаша одобритительно потрепала Молли по щеке.

«Ну, зато на радостях она не заметила моего состояния», – скептически подумал я.

– А где дорогая Лиззи, почему не встречается? – спросила Молли.

– Лиззи замуж вышла, – важно ответила мамаша. – В Галлоуэй переехала. Выгодная партия, хозяин хлебной лавки. Приезжал к нам за солью, вот и встретились. Спасибо тебе за деньги, которые ты через старика Шона передавала, дочка. На приданое ей пошли, а то бы ее не взяли! Теперь и тебе пора. Она все-таки младшая, а уже пристроена.

Молли загрустила. Вот она, неграмотность! Сестра вышла замуж, но никто даже не черкнул Молли открыточку, поскольку не умел писать (а она – читать).

– Одна я на земле управляюсь, хорошо, что ты вернулася, – продолжила мамаша.

– Второе поле не распаханно, вон, отсюда вижу, – проворчала Молли.

А потом снова всхлипнула и прижалась к матери: из-за разницы в росте это выглядело так, будто жираф обнимает гуся. Та в ответ сжала ее в своих мощных объятиях, и мне стало немного завидно, хоть я и не подал виду. Вот бы меня кто-нибудь так утешительно обнял!

Об отце никто не упоминал, из чего я сделал вывод, что его, видимо, давно нет на свете. Неудивительно, что Молли готова на все ради своего семейства. В любом слое общества это серьезная ответственность – быть старшей дочерью в семье, состоящей из одних женщин. Я невольно глянул на Молли с нежностью. Будь я на ее месте, строил бы глазки богатым кавалерам и женил на себе самого перспективного, решив этим финансовые проблемы семьи. А она вон укатила в далекий Лондон искать работу.

– Ох, что тут последний год творится! – Мамаша повела Молли в дом, предоставив нам, очевидно, самим решать, идти за ними или нет. Что за нравы! – Сама знаешь, как трудно было работу найти, да еще налоги англичанам, да разорение после войны с ними, да сколько погибло в ней! Но год назад...

Тут мы вошли в дом, и я какую-то часть истории пропустил. Посещать крестьянские жилища мне раньше не доводилось, и я подивился убожеству, закопченным стенам (а на них – ни одной картины, ни одного ковра!) и отсутствию мягкой мебели. Сплошные лавки, полки, столы без скатертей и прочие свидетельства отсутствия вкуса.

– Как вам? – взбудораженно зашептала Молли, увидев, как я озираюсь.

Я прокашлялся.

– Очень... мило. – Все-таки я чрезвычайно учтив, этого у меня даже смерть не отнимет. – И такой... м-м... такой огромный камень! – Я указал на булыжник, лежавший посреди стола. – Это какое-то произведение местного искусства?

– Хи-хи. Это камень. Прижималка для солений, – пояснила Молли. – Кладешь ее сверху на капусту, огурчики или еще какой овощ, они сок дают и бродят.

Прелестно. Слюнки потекли бы, если бы они у меня были.

– Так вот, мистер Каллахан у себя в Галлоуэе наладил такое про-из-вод-ство! – продолжала мамаша. – Там уже все без него работает, вот он сюда и переехал, новое место осваивать. О, это великий человек, он спасет Ирландию!

– Англичанин? – не выдержал Бен, чья национальная гордость была задета еще печатными объявлениями.

Мамаша сурово на него глянула.

– Пф! Вот еще! Он от самой сохи: простой сирота из Галлоуэя, всего сам добился. Какой пример для молодежи! В жизни успех ценится, а без него кто ты такой?

Она говорила, а сама ловко метала на стол миски, тарелки, плошки, хлеб и какие-то непонятные заготовки в горшках – возможно, те самые забродившие огурчики. Судя по лицу Бена, пахло все это вкусно. Не дожидаясь приглашения, он весело уселся за стол, отломил себе хлеба и начал мазать его чем-то непонятным. Я поморщился. Вот уж кому простота местных нравов придется по душе.

Молли тоже сияла. Ее несуразно крупные руки были постоянно в движении – поправляли шляпку, переставляли посуду туда и сюда, тянулись разжечь огонь, даже отставили стул, чтобы я мог сесть. Я послушно сел.

– Душенька, ну скажи: ты уже выскочила замуж за кого-то из этих джентльменов или только приглядываешься? – шепотом спросила мамаша, когда обе отвернулись к печке. – Если твой тот, что страшный, так это ничего: судя по виду, недолго ему осталось, наследство получишь. Только надеюсь, он не заразный.

Чудесно.

– Мама! – возмущенно шикнула Молли, но та уже бодро развернулась к столу и начала потчевать Бена: похоже, его звериный аппетит был ей в радость.

– Я болен, есть мне нельзя, питаюсь только лекарствами, – сказал я, когда передо мной грохнули тарелку с какой-то непонятной жижей. От возмущения у меня даже голос прорезался. – Впрочем, это не заразно.

Мамаша неодобрительно цокнула, но тарелку убрала и поставила перед Молли.

– Я и сама подумываю на фабрику устроиться, – важно сказала она. – Надоела бедность! А Каллахан – славный джентльмен, да еще спас нас от этих ужасных мертвяков, которые повсюду бродили. Мы так их боялись, всю ночь протряслись, а на утро Каллахан их собирать начал, да еще и за деньги. Два дня – и город чист. Хотя, говорят, некоторые своих не продают и дома держат, чтоб не бродили. Вот соседка наша свекровь свою скрывает. Ох, да что я все об этом! Молли, душенька, тебе-то уж точно на фабрику надо, раз ты дома теперь. Ты у меня сильная, там такие нужны.

– Они все деревья у берега вырубил! Ноги моей там не будет.

– А и зря, неплохие денежки там платят. Мы на продаже овощей закупщикам столько не заработаем. Все изменилось, детка. Повсюду теперь эта... про-мыш-лен-ность! Смотри, какую я ткань купила, – это Каллахан делает, самой такую не спрясть!

– Вы не знаете, как найти деревню, где хранился танамор? – спросил я, решив, что хватит терять время на пустые разговоры, тем более настолько скучные. – Трилистник, который Мерлин подарил людям.

Мамаша покатила со смеху.

– Ох, да вы чего! Это ж сказка! Дайте лоб потрогаю, не жар ли у вас. – Она потянула руку к моему лицу, но я успел отдернуться. – Ох, какой вы дикий. Я ж по-матерински здоровьем вашим интересуюсь.

Вот уж спасибо. Я выдавил что-то смутно похожее на улыбку и больше не сказал ни слова. Когда обед наконец завершился, я думал, мы немедленно пойдем расспрашивать соседей, но Молли завалилась спать (спали они на матрасе прямо в столовой, чем меня чрезвычайно шокировали). Нам с Беном, к счастью, туда же лечь не предложили, это было бы непристойно, и отправили спать на сеновал, чем шокировали меня второй раз.

– Какое приятное место, – пробормотал Бен, сонно ворочаясь на соломе, и немедленно уснул.

Мы не спали в одной постели с тех пор, как были детьми. Я лежал, грустно слушая его дыхание и глядя на полосы света, пробивающиеся сквозь щели в крыше. Мне было очень, очень одиноко.

И тут раздались шаги. Я перевел взгляд на дверь. В проеме удивленно замер молоденький парнишка: не поймешь, то ли у него еще отрочество, то ли уже юность. Никаких признаков бороды, темные волосы, карие глаза, весь какой-то щуплый: даже я по сравнению с ним ощутил себя шикарным взрослым мужчиной.

– Ты кто? – спросил я, но озарило меня еще до того, как он успел ответить. Темные волосы, прямой нос, резкая линия челюсти – я такое уже видел. – Ты брат Молли.

– Да, – осторожно ответил он, как будто не уверен был, с чего начать разговор. Я его понимал: не каждый день находишь у себя на сеновале полумертвого графа. И второго, вполне живого и спящего. – Я Киран. Вы меня звали?

Ой, какой вежливый мальчик. По сравнению со своей громогласной мамашей и бестактной остроумицей-сестрой он казался вполне приличным человеком.

– Не припоминаю, но, раз уж ты тут, можешь принести мне одеяло, – ответил я и поудобнее устроился, демонстрируя, что с этого места меня ничто не сгонит. – Мы друзья Молли из Лондона. Я – граф Гленгалл, а это... – я поколебался, но все же лишать Бена титула не стал: – граф Гленгалл, мой брат.

Я ждал чего-то вроде «Моя сестра водит дружбу со знатью, какая честь нашему дому!», но Киран молча подошел ближе. Солома под его ногами уютно зашуршала.

– Вы... вы не живой, – сказал он, нахмурившись.

– И что? – холодно спросил я, решив держать лицо до последнего. – На фабрику Каллахана меня отведешь?

Рот у него комически приоткрылся.

– Вы знаете про Каллахана? О... Теперь я понял. Вы хотите у него работать? Он кого только не нанимает – наверное, даже вот таких странных, полуживых мертвецов.

И пока я пытался определиться с ответом (я не странный, полуживой мертвец, что за оскорбление!), маленький наглец подошел, рывком поднял меня на ноги и куда-то потащил: очевидно, продавать за десять шиллингов. Мысли о его вежливости я тут же взял обратно.

– Эй! – возмущенно прохрипел я. – А ну пусти! Я спас твою сестру!

Бен заворочался, но не проснулся, и я не успел его позвать, как уже оказался на улице.

– Нам нужно туда, идемте! – частил Киран.

Я барахтался, Киран тащил, в доме было тихо, а голосисто вопить мне было теперь не под силу, так что я пытался отстоять свободу, цепляясь за деревья и

угол куриного сарая. Безуспешно: ирландцев, похоже, с детства тренируют как борцов-силачей. Киран цепко держал меня за локоть и успел дотащить до соседнего дома, когда я почувствовал, что на меня смотрят. Я в ярости повернул голову – прекрасное развлечение, наслаждайтесь, господа, – и осекся.

Из-за соседского угла на меня смотрела старушка, и взгляд у нее был неподвижный, тусклый, лицо бледное. Я слишком много раз видел такие лица (в том числе в зеркале), чтобы не понять, что она мертва. Глядела она прямо на меня, точно как та девушка в Ливерпуле – и тоже вполне справлялась с тем, чтобы стоять на одном месте, а не шагать куда глаза глядят.

Все это успело промелькнуть у меня в голове, а потом мысли затянуло туманом. В ушах зазвенело, стало тяжело дышать, заболело в груди. У меня ведь ничего не может болеть, но болело все равно. Я метался на узкой деревянной кровати, и кто-то повторял мне: «Ты сама виновата», а я задыхался, и это продолжалось целую вечность. Потом туман рассеялся, и я резко сел.

Я сидел на широкой лавке, рядом суетилась Молли. Увидев меня, она выронила какое-то шитье. Так, есть и хорошая новость: продать меня не успели, я по-прежнему в ее доме.

– Доктор, он ожил! – звонко крикнула она.

Ну, «ожил» – это уж громко сказано, но возразить я не успел. Вот только на крик Молли в комнату зашел не Бен, а ее мамаша.

– Ах ты, исчадьё! – простонала она, глядя на меня. – Я сразу поняла, с тобой что-то не то. Живой мертвяк в моем доме! Молли, да куда это годится?! Убери его отсюда, сотый раз говорю!

Молли вытолкала мать за дверь и села рядом со мной.

– Не выходите больше на улицу. – Она сжала обе мои руки в своих, наверняка теплых и приятных на ощупь. У меня осязание не работало, так что я и свои-то еле чувствовал. – Мы вас спрячем и спасем. С вами опять то же самое было, как в дилижансе: вышли и упали, как замертво.

Киран, видимо, со страху позвал на помощь. Надеюсь, он упомянул, что сам меня на улицу притащил? Но сказать я ничего не успел – прибежал Бен, одетый в какую-то уродливую деревенскую одежду с чужого плеча.

– Ох, Джонни, наконец-то. Двое суток без движения!

Двое?! Это уж слишком. А Бен сел рядом и продолжал:

– Насколько все было проще, когда ты был просто результатом моего эксперимента! Но тебя вернуло действие волшебного – за неимением лучшего слова – ирландского камня, и теперь я не понимаю, по каким законам ты работаешь. – Бен вытащил из своего кармана танамор, и я нахмурился. Он ведь был у меня в кармане, это я его храню! – Я забрал его, чтобы изучить, результат нулевой. И, уж прости, тебе не отдам: вдруг опять свалишься где-нибудь, а кто-то решит обыскать твои карманы.

Расставаться со своей драгоценностью мне не хотелось, но Бен, увы, был прав. Я уныло уставился на танамор. Теперь уже и поверить было невозможно, что он на моих глазах вернул Молли жизнь. Просто три обломка блеклого зеленого мрамора, которые с помощью какого-то странного магнетизма притягиваются друг к другу, образуя нечто похожее на трилистник. Вот и все чудеса.

– Говорил мне Майкл: проводи эксперименты только в контролируемой среде! – продолжал шептать Бен. – В тот раз ты портился, как обычное тело, а мой раствор поддерживал в тебе достаточно жизни, чтобы тормозить этот процесс. Но сейчас ты просто выпадаешь из реальности, а вернувшись, становишься более... – Он так стыдливо замолчал, что я понял: продолжение мне не понравится. – Мертвым.

Я с ужасом понял, что он прав: после этого пробуждения мне еще труднее стало разговаривать, я будто оцепенел. Попытался встать – и не смог. Пару дней назад такая новость меня бы прямо-таки убила (ха-ха, шутка, я уже был мертв), но сейчас я принял ее с тихим, покорным отчаянием.

Может, рассказать ему, что оба раза это происходило со мной после того, как я встретился взглядом с другим восставшим? Но что это даст? Бен со свойственным ему энтузиазмом уйдет в изучение новой загадки, хотя на самом деле спасти меня может только одно.

– Деревня... Танамор, – прошелестел я. – Ищи кого-то, кто знает, где.

Мой смелый план провалился, не добравшись и до третьего пункта. Я представлял себе – и не собирался расставаться с этой мечтой – поселение благородных праведных старцев, которые до сих пор ждут, когда вернется реликвия их народа. Я несу им эту реликвию на блюдечке, благородно готов от нее отказаться, а в обмен мне всего-то и нужно, чтобы меня оживили!

– Я уже отправлял Молли расспросить соседей, – забормотал Бен, таращась на меня сквозь грязное пенсне. – Никто не знает, Джон. Все повторяют, что это сказка. И я думаю... Может, так и есть? Нет никаких доказательств, что возвращение этих фрагментов мрамора туда, где они были, поможет тебе ожить или всем остальным – умереть.

Меня поражала способность Бена говорить такие ужасные вещи, продолжая смотреть на тебя ясными голубыми глазами, будто он читает невинный доклад на конференции или еще каком-нибудь сборище умников.

– И что ты мне предлагаешь? – пробормотал я.

Он схватил меня за обе руки и даже не поморщился от того, какие они ледяные.

– Давай забудем о твоём плане из семи пунктов, а? Возьмем танамор себе, изучим его свойства, придумаем способы использовать его в духе современной науки, а не бабушкиных сказок.

– Бабуш... что?! – Я смог сесть. – Бен, ты не забыл, что танамор забирает жизнь, душу и разум того, кто его хранит?

– И это какой-то не изученный наукой вид воздействия. Это наш шанс оставить след в истории! Джонни, что если камни могут излучать невидимые лучи, которые способны вредить человеку, если долго хранятся рядом с ним? Мы сделаем сейф, который будет это излучение подавлять, и...

– Бен... – застонал я и без сил упал обратно. – Мне кажется, когда я слышу такой бред, мне становится хуже.

– Seriously? – оживился Бен. – Это тоже достойно изучения! Ты хочешь сказать, если что-то тебя печалит, это отражается на твоём уровне активности? – Я закрыл руками лицо, но Бен продолжал: – Такое возможно. В лодке ты грустил и всю дорогу лежал неподвижно. Мне постоянно казалось, будто мы с Молли кого-то убили и плывём, чтобы выбросить тело в море.

Если меня не станет, Бен вполне сможет подхватить падающее знамя графа Гленгалла, короля несмешных шуточек.

– Бен, я хочу ожить, – глухо проговорил я из-под рук. Наверное, я так злился потому, что он сказал вслух то, о чём я и подумать боялся. – И если для этого нужно верить в бородатых праведных старцев, я буду в них верить. Отдай мне танамор. Он мой, я его нашёл.

– Нет, нет, – умоляюще застонал Бен и прижал трилистник к себе. – Тебе от него наверняка станет ещё хуже. Я буду его изучать.

Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы нашло уже наконец одну маленькую географическую точку на карте весьма небольшой страны.

– Та сказка – правда. Ищи деревню, – отрезал я. – И можешь даже не говорить со мной, пока не продвинешься в поисках.

* * *

Киран явился под вечер: просунул голову в дверь и с подозрением уставился на меня.

– Не вздумай, – предупредил я. – Ещё раз потащишь на фабрику, я так заорю, что мало не покажется.

– Тогда сами бы шли. Место прямо для вас.

Он просочился в комнату и сел на край моей скамейки, пугливо озираясь.

– Родственничков своих боишься? Что ты такого сделал?

Киран дернул плечом, продолжая беспардонно меня разглядывать. Похоже, вежливости от него достаивались только живые.

– Можете мне кое с чем помочь? – наконец спросил он. – Только для этого вам придется пойти на ту фабрику.

Я аж хохотнул. Ну и уловка! Он всерьез рассчитывал меня провести?

– Иди куда шел, Киран. Я даже отвечать на это не буду.

Шкет бросил на меня неприязненный взгляд, но послушно ретировался. Я удобнее устроился на лавке и сделал вид, что лежать одному гораздо приятнее, чем с кем-нибудь говорить.

В ближайшие дни Бена и Молли я видел редко: в основном за мной присматривала ее мамаша. Точнее, она часто занималась работой в той же комнате, где лежал я (унизительно тесная комната в задней части дома, где хранился всякий хозяйственный хлам), и заодно оскорбляла меня. Это успешно отвлекало от факта, что я не могу пошевелиться. Похоже, Бен оказался прав: чем грустнее мне было, тем мертвее я становился.

– Принесите мне одеяло.

– Обойдетесь. Чего вам мерзнуть? Мертвый вы.

– Мне настолько не интересно ваше мнение, что я все забываю узнать, как вас зовут.

– А мне настолько не интересно ваше, что я вас даже не спрошу, с чего вы померли. Я вас не сдаю только потому, что Молли не велела, а брат ваш, доктор, уж такой уважаемый человек! Ему ведь нравится моя Молли?

– Нет конечно. Он ее терпеть не может. Кстати, у него в Лондоне есть жена, он просто это скрывает.

– Ой, да не брешите, я женатых за версту отличаю.

– Богатый опыт?

– Я уж лучше не буду спрашивать, какой опыт у вас, милоч. Потому что ответ на лице написан: никакого.

– Зато вас боится собственный сын, – буркнул я, не зная, чем еще ее задеть. – Что-то я его при вас ни разу не видел.

В ответ мамаша развернулась и запустила в меня глиняной миской. Я охнул, но увернуться, конечно, не успел. Миска с силой врезалась мне в грудь, скатилась на пол и разбилась. Больно не было, а вот обидно – еще как.

– Еще раз про моего сына что-то вякнете – я вам башку откручу, – прорычала мамаша. – Уяснили?

Я примирительно поднял руки.

– Уверен, он совершил какое-нибудь ужасное преступление и теперь скрывается от полиции, – еле слышно пробормотал я, когда она отошла, просто чтобы последнее слово осталось за мной.

Злодей Киран явился через пару часов, когда мать ушла работать в поле, и пересадил меня на стул, помешав моему комфортному пребыванию на лавке.

– До невозможности противно вас трогать, – заявил он, подхватив меня под руки. – Вы – противоестественное существо.

– Вот и положи на место! – возмутился я и бесполезно пнул воздух ногой.

Ого, я пошевелился! Но насладиться этим не успел: меня брякнули на жесткий стул с подлокотниками.

– На этом стуле при жизни любила сидеть наша бабушка, – сообщил Киран. Едва узнав, что я неживой, вежливый мальчик обернулся чудовищем, да так и не превратился обратно. – Вам нельзя лежать, вы от этого на вид совсем мертвый становитесь.

Интересно, в Ирландии все такие откровенные или только в этой семье? Киран упал на освободившуюся лавку и начал ковырять в зубах. Являлся он всегда в одной и той же одежде, чем глубоко оскорблял мои эстетические чувства.

- Киран, - твердо начал я, решив воспользоваться нашей беседой для дела. - Сосредоточься и скажи: что ты знаешь про деревню, где праведники хранили танамор?

- Вы еще спросите, где гномы золото прячут.

- Я бы удивился, если бы ты знал что-то настолько полезное.

Киран выразительно глянул на меня:

- Будете мне помогать или нет?

- Даже не подумаю.

Киран встал и сердито вышел из комнаты. Меня осенило: да он же сумасшедший! Поэтому его и держат в доме. Видимо, его ищет не полиция, а санитары лечебницы для душевнобольных.

* * *

Я много времени в жизни потерял, но никогда еще не терял его так буквально: даже рукой не получалось шевельнуть. Надежду во мне поддерживало лишь то, что кто-то из той деревни, уж конечно, еще жив - прошло всего-то сорок лет с тех пор, как оттуда забрали танамор, а значит, тем, кому было двадцать, теперь всего-то шестьдесят. Рано или поздно отыщутся.

Когда Бен был дома, он чем-то гремел в одной из комнат. Небось собирал обратно свою машину. Растроганный его преданностью делу моего оживления, я вызвал его к себе и ссыпал ему в руки все деньги, какие оставались у меня в карманах.

- Лучший способ что-то узнать - платить за сведения, - сказал я. - Удвой усилия.

– Да-да, – рассеянно протянул Бен и тут же пошел обратно к двери. – Но сдачу оставляю себе. Ты все равно никуда не ходишь, а мне пригодится на благое дело!

– В твоём исполнении слова «благое дело» звучат пугающе, – пробормотал я ему вслед и вяло улыбнулся.

Бен над моей шуткой не засмеялся.

Глава 3

Особый экземпляр

Дни шли за днями. Мамаша хлопотала по дому, Бен и Молли где-то пропадали, а я сидел неподвижно и не понимал, как мой гениальный план спасения пошел по такой кривой дорожке. У всех были свои дела – и в этом отношении, как ни странно, наибольшее родство душ я чувствовал с Кираном. Тот бродил по дому, как кот, и лишь иногда заходил спросить меня, не хочу ли я помочь ему кое чем на фабрике. Видимо, так этот чокнутый бедолага шутил. Я неизменно отвечал отказом, и мы расставались до следующего раза.

Когда даже мамаша перестала меня задирать, я дошел до дна отчаяния. Нужно было срочно предпринять что-нибудь великолепное. Да, я не могу двигаться, но я ведь никогда не был силачом, который способен уложить врага одной левой, я побеждал умом, так с чего я решил, что пора это прекратить? Деревня праведников существует, это не сказка, отец был там, он не стал бы лгать в своем прощальном письме. Бену с Молли такая задачка, видимо, не под силу, но разве они умнее меня? Я все решу, надо только...

И тут меня осенило.

– Молли! – позвал я. Вот кто мне точно поможет. – Молли!

Она, как ни странно, явилась довольно скоро. Интересно, чем она занята дни напролет? Я-то думал, что пропадает в полях.

– Помираете? – испуганно спросила она, быстро стягивая холщовый фартук.

Под ним была обычная деревенская одежка, прямо как у ее матери: никаких больше дамских платьев и шляпок.

– Наоборот. Я знаю, как нам отыскать ту деревню! Объявления!

– Мистер, я сейчас не могу, у нас тут...

– ...Вряд ли что-то более срочное, чем наши поиски. – Я зашарил по карманам в поисках денег, но там было пусто. – Возьми у Бена денег, купи много бумаги, уголь и клей. Где тут у вас это берут? Быстрее, ну же!

Секунду я боялся, что мы уже не настолько дружны и она не слушает. Но Молли взглянула на меня с теплотой, как будто уже и не чаяла, что я заговорю, и выскользнула за дверь. Раздались приглушенные голоса, потом Молли заглянула в комнату, победно вскинув над головой деньги, и была такова.

Я растроганно усмехнулся. Приятно, когда кто-то на твоей стороне. А идея и правда гениальная: раз какой-то Каллахан может расклеивать по городу объявления, почему бы нам не сделать то же самое?

Пока Молли не было, я в деталях представил картинку, которую хочу изобразить. Деревня праведников: домики, деревья, люди с длинными волосами и в длинных одеждах, как Мерлин в сказках про короля Артура. Они стоят вокруг сияющего трилистника, над ними – большой знак вопроса и текст для тех, кто умеет читать: «Если кто-то знает о местонахождении деревни праведников, хранивших танамор, напишите или приходите по адресу...»

Когда примчалась Молли с предметами для рисования, у меня все уже было мысленно готово.

– Какой у вас адрес? – спросил я, одобрительно глядя на стопку бумаги, которую она грохнула на пол около моего стула.

– Чего? А! Улица и дом! Плама-Бохар, 121. «Бохар» значит «дорога», а «плама» – «слива», а дорогу называли сливовой, потому что...

– Вдоль нее много сливовых деревьев?

– Все-то вы знаете, мистер! Вам, наверное, интересно, почему номер дома такой длинный? А потому что дорога длинная, отсчет от города ведется, – с гордостью пояснила Молли и положила лист бумаги мне на колени.

Как будто жить на длинной пыльной дороге с кучей бедных похожих домов – это большое жизненное достижение! Я негнушным пальцами взял угольную палочку и кое-как нацарапал:

Молли смотрела, как я пишу, и мне стало приятно: действуем вместе, как в старые добрые времена, когда заманивали ирландцев из Фоскада в мой дом.

– Чего-то долго вы пишете. Ну-ка, вслух давайте прочтите мне.

Я прочел, и Молли не одобрила.

– Скучно! Давайте так: «Знаешь, где хранили танамор до прихода англичан? Пиши или иди на Плама-Бохар, 121, дадим денег».

– Неплохо! У тебя талант к объявлениям.

Молли польщенно хмыкнула. Теперь дело было за малым: сделать рисунок. Это у меня получилось так себе – насколько же на бумаге все выглядит хуже, чем в голове! Молли понаблюдала за моими стараниями, потом взяла у меня из рук уголь, обхватила его крепко, как ребенок, и изобразила самую простую картинку: примитивные создания, похожие на огурцы, с ручками и ножками в

виде палочек, глазами-щелочками и полным отсутствием носа. Рты представляли собой выгнутую вниз дугу, руки воздеты вверх. Они стояли кружком, а над ними висел трилистник с сияющими вокруг лучами. Я невольно восхитился – получилось эффектно и понятно.

Дальнейшие пару часов мы работали вместе, слаженно, как машина: я снова и снова писал текст, она рисовала все ту же картинку.

– Я уж думала, вы вообще шевелиться не можете, а вы вон как раздухарились, – сказала Молли, и только тут я понял: а и правда!

Так хотел написать объявления, что даже не вспомнил о том, как трудно мне двигаться. Желание – великая сила. Как ни парадоксально, стоило об этом подумать, я немедленно ощутил тяжесть во всем теле. Кажется, тут все как у канатоходцев: стоит посмотреть вниз и вспомнить, сколько метров от тебя до земли, тут же сорвешься.

– Может, ты за меня допишешь? – спросил я после нескольких попыток взять угольную палочку снова.

– Да здравствуйте! Я ж не умею, забыли?

– Тут ничего трудного. Просто срисуй то, что я уже написал.

Молли послушно попыталась. Вышло ужасно. Она явно не понимала, что такое буквы: если форма хоть немного неверная, читать невозможно.

– Ладно, этого хватит, – трагически вздохнул я, хотя вообще-то у нас оставалась еще целая стопка отличной писчей бумаги. – Иди и расклей по городу те, что мы уже сделали. Путь неблизкий, – намекнул я, увидев, что она мнетя, будто хочет что-то сказать. – Чем скорее начнешь, тем скорее мы получим вести.

Молли подхватила пачку заполненных объявлений, кисть, банку клея и умчалась.

– На самых заметных местах! Поверх объявлений Каллахана! – крикнул я ей вслед и закашлялся, хватая ртом воздух.

Но прошел день, два, три – и ни одного визитера, ни одного письма. В ожидании новостей я даже смог встать, пробраться в парадную часть дома и выглянуть в окно. И за пару часов наблюдения с удивлением выяснил, что к нам постоянно приходят какие-то люди, только, похоже, не по тому делу. Они денег не ждали, напротив: совали встречавшей их мамаше монеты и уходили в другую часть дома, не проходя через комнату, где сидел я. Мамаша встречала их нежным рокотом и провожала как родных, и туда, и обратно. Один раз кудрявая рыжая женщина не вовремя посмотрела в окно, увидела меня и испуганно отпрянула, но мамаша тут же подхватила ее под руку, стала очень нежно оправдываться и увела. Обернувшись через плечо, она погрозила в мою сторону кулаком.

– Не торчите у окна, пугаете всех, – велела она позже, подойдя ко мне. – Идите обратно на свой стул.

– Кто же к нам таскается? – огрызнулся я. – Проходной двор! Это насчет танамора?

– Угу, конечно, лепреконы посольство прислали. Идите, идите, не рады вам тут.

Злой, как фурия, я побрел к себе и там сел. Выждал, пока небо, которым я мог любоваться сквозь крохотное окошко под самой крышей, поблекнет, а значит, наступит время ужина. И, держась за стенку, побрел в столовую, она же – гостиная и спальня. Там был милый семейный ужин: Бен что-то уплетал, Молли с матерью за ним ухаживали, и меня даже заметили не сразу.

– Кушайте, доктор, вкусная курочка, – елейно бормотала мамаша. – Так приятно, что наконец у нас хороший едок. В нашей семье все вкусно готовят, вот и Молли тоже. Золотая девочка!

Я закатил бы глаза, если бы мог. Все ее уловки я насквозь видел: хочет захомутать Бена и заставить жениться на своей дочке! Не дождется. Классовые различия еще никто не отменял.

– Доброго всем вечера, – прохрипел я.

Все воззрились на меня так, словно призрака увидели. Я решил воспользоваться произведенным эффектом и уставился на Бена.

– Рассказывай, чем ты целыми днями занят, – сурово велел я. – Иначе прокляну тебя из-за гробовой доски, – благодаря тебе я единственный человек, который может это сделать, будучи еще жив и в своем уме. Ты что, за моей спиной что-то выяснил насчет хранителей танамора, а мне не сказал?

Несколько мгновений Бен смотрел на меня, словно его поймали с поличным, затем нехотя выдавил:

– Я... Я принимаю пациентов.

– Каких? Мертвых?

– Нет, нет, обычных. – Он торопливо встал, вытер рот и бросил салфетку на стол. – Джон, а давай-ка в другом месте поговорим?

Не дожидаясь ответа, он подхватил меня под руку и утащил обратно в опостылевшую комнату со стулом.

– Молли вечно зовет меня доктором, хотя я, как ты понимаешь, не совсем он. – Бен усадил меня на стул. Так вот почему в последнее время он так подозрительно себя вел! – Но ее мать однажды попросила меня осмотреть какого-то соседа. Я не сразу согласился! Она настаивала. У него была бородавка. Я ему помог, а он рассказал еще кому-то, и теперь у меня нет отбою от пациентов.

– Но ты не врач! Ты прослушал несколько лекций по медицине, а потом только тела препарировал и оживлял!

– Тело – оно и есть тело.

– А разве не нужен диплом, чтобы лечить живых?

– В Лондоне – да. Диплом, лицензия, опыт. Пришлось бы потратить на обучение столько лет, но с моим умом я способен доучиться на практике. У них тут врача вообще нет, так что хуже я им точно не сделаю.

– Уверен?

– Слушай, Джон. Быть врачом приятно, все говорят тебе спасибо за твою работу! А про восставших уже даже в газетах не пишут: их тут давно не видели, они все на фабрике Каллахана. Интереснейшее место! Ты, кстати, не хотел бы туда наведаться?

– И что мне там делать? – звенящим голосом спросил я.

– Каллахан поставил их работать у станков! – с сияющим видом сообщил Бен. – Конечно, они способны только на самый примитивный труд, но какая потрясающая задумка! Ты разбираешься в их состоянии как никто, уверен, ты смог бы увеличить эффективность их труда!

Ох... Все эти дни я думал только о поисках деревни и ни разу не спросил себя, как там дела у остальных восставших. Мне они были неприятны, напоминали самого себя в худших проявлениях, но теперь мне стало жаль их. Бен заметил выражение моего лица и поспешно прибавил:

– Если тебя беспокоит сохранность тел, не волнуйся, они удивительно выносливы. Я читал в газете интервью Каллахана: он дает им отдохнуть ночью, а если все упокоятся обратно, немедленно вернет тела родственникам. Джонни, это же промышленный прорыв, как ты не понимаешь! Вот бы мне хоть поговорить с этим Каллаханом! В газете не написали, что именно производит его фабрика, но он сказал, что, когда добьется результата, мир ахнет!

На лице у него отразилось такое блаженство, что мне стало тревожно.

– Какая работа? Они ведь могут только бродить, – медленно проговорил я.

– А вот это самое интересное! – воскликнул Бен. – Каллахан понял, что бродят они по одной причине: если начали выполнять какое-то действие, не могут остановиться. Они как бы... застревают в одном движении. И он решил: почему бы вместо ходьбы не дать им возможность крутить ручку станка? Ну почему я не додумался до этого первый!

– Звучит ужасно.

– Не ставь палки в колеса прогресса человечества!

- Бывает такой прогресс, которого человечеству и даром не надо.

- Прогресс всегда хорош: это процесс отбора лучших идей самой жизнью. Джон, как ты не понимаешь: никто не знает, как упокоить восставших. Ясно тебе? Никто! Так почему бы не использовать их на благо общества? Они не страдают. И еще не устают, не спят, не едят и не пьют. Они такой же ресурс, как лес, или уголь, или животные, или...

- Меня ты тоже к животным приписываешь? Я твой брат!

- Да, но еще ты один из восставших.

- Один из... Что?! Я не такой, как они!

- Ваши симптомы схожи. Они тоже впадают в летаргию, если оставить их без движения, просто ты лучше этому сопротивляешься. Ты особый, уникальный экземпляр, бросающий вызов самой природе! Уверен, ты еще не знаешь всех своих возможностей, и...

- Ни слова больше, а то я тебе врежу. И ради этого даже встану.

- Пойми, Каллахан - гений, и если бы мы с ним объединили силы, то...

- Заткнись, Бен, я серьезно.

Я никогда не бываю таким грубым, и Бен обиженно замолчал.

- Ладно, - огрызнулся он. - Только твое мнение в этой семье что-то значит, верно?

- Верно, - огрызнулся я в ответ. - Потому что ты идиот, Бен, и идеи у тебя одна хуже другой. Если дать тебе волю, они приведут тебя исключительно в тюрьму.

Я сразу пожалел, что обидел его, у него аж щеки вспыхнули, но говорить ему об этом не стал, чтобы не поощрять его раздутое эго. Несколько секунд мы буравили друг друга взглядами, потом он ушел, хлопнув дверью.

Настроение у меня и так было хуже некуда, но тут в комнату заглянул Киран.

– Я все слышал. Он прав, на живого-то вы уже не очень похожи. Гляньте на себя в зеркало.

– И не подумаю, – отшил его я, хотя от таких слов у меня сердце кровью обливалось (точнее, раствором Бена). Ужасно не знать, как выглядишь со стороны, но в моем случае это было даже милосердно. – К тому же у вас и зеркала-то нет, вы бедняки. Шагай отсюда, Киран. Еще раз тебя тут увижу – тебе не поздоровится.

– Одни угрозы! Не можете вы мне ничего сделать, – отрезал он, но голова скрылась за дверью и больше не показывалась.

Несколько часов у меня ушло на то, чтобы заставить себя встать снова. Есть лишь один человек, который всегда мне поможет, и я не хочу говорить с ней, сидя в кресле, как немощный дядюшка, которого терпят в доме из милости.

Молли я обнаружил на крыльце. Она глубоко дышала, глядя на темные поля вдалеке. Глаза у нее были тоскливые. Я добрел до нее и, кое-как согнувшись, сел рядом. Она быстро вытерла глаза и улыбнулась мне.

– Ой, вы на ногах, мистер! Радость-то какая!

«Почему ты плачешь? Ты так хотела домой, так почему ты совсем не выглядишь тут счастливой?» – хотелось мне спросить, но, во-первых, она все же была простолюдинкой, во-вторых, имелось дело поважнее.

– Ты всю жизнь тут прожила. Деревня праведников – это ведь не сказка, нет?

Молли грустно пожала плечами. В сумерках она выглядела очень бледной, почти как я. Ну ладно, не настолько.

– Уже и не знаю, – прошептала она. – А вдруг я вправду ожила все же не из-за камней, а из-за электрической машины доктора? И вы тоже, и остальные. – Она ожесточенно уставилась вдаль. – Жизнь – это просто жизнь, с обычными заботами. Вот что я думаю, мистер: не бывает никакого волшебства.

Такого отчаяния, как в этот момент, я не чувствовал никогда в жизни. Если уж Молли не верит в успех моего предприятия, то...

– Я думала, все как-то само исправится, когда мы сюда доберемся, – тихо сказала она, по-прежнему не глядя на меня. – Но шиш.

Поэты часто повторяют, что любить надо за душу, а не за красоту, но в эту секунду я узнал печальную правду. Если вы плохо выглядите, если вы серый, и перекосившийся, и холодный, и страшный, на вас никто даже не посмотрит. У нас с Молли было что-то общее, когда мы были в одном положении, но теперь она жива и даже не смотрит на меня.

– Я ведь не нравлюсь тебе такой, как сейчас? – спросил я, хотя мысленно был ошарашен собственной откровенностью.

– Что за вопросы? – буркнула она. – Нравитесь, ясное дело.

Если честно, пауза перед этим была слишком уж длинной.

Надежда оставила меня, поэтому я вернулся на место и стал просто сидеть. Не знаю, сколько прошло дней, – по ощущениям, я успел бы постареть, если бы такая возможность была мне доступна. Но судьба надо мной все же сжалилась.

Было позднее утро, в доме стояла светлая, теплая тишина. Бен принимал пациентов, Молли и ее мамаша, наверное, работали в полях, чем занимался Киран – неизвестно, а я, как обычно, смотрел прямо перед собой. Потом что-то зашуршало, и под закрытую дверь, ведущую из моего закутка на улицу, просунулась записка. Я не сразу смог встать – так давно не двигался, что тело стало совсем неповоротливым, – но уж очень интересно было, кому в доме предназначено сообщение. Может, у Молли завелся грамотный ухажер? Я добрал до двери, бочком, как краб, поднял записку – и замер.

Судя по всему, сообщение – неграмотное, с кляксами – было адресовано мне.

Я открыл дверь, но в пронизанном солнцем заднем дворе никого не было. Мне стало так любопытно, что я обошел дом и заковылял к дороге, – в отсутствие забора к дому мог подойти кто угодно, но вряд ли он успел бы уйти далеко. Я посмотрел направо. Налево. Пыльная солнечная дорога была совершенно пуста. Кто бы ни принес записку, он наверняка спрятался в каких-то придорожных кустах – не хотел, чтоб его увидели, а я не чувствовал в себе силы отойти от дома далеко.

Тут я сообразил, что это мой первый торжественный выход на улицу с тех пор, как Киран выволок меня из дома. Деревья успели покрыться нежной зеленью, а земля, по которой деловито бродили куры, – зарости травой. Интересно, сегодня тепло? Я прищурился от наслаждения, подставил лицо ветру, которого не чувствовал, но видел, как он шевелит верхушки деревьев и кусты, слышал его шум. Как же красиво! Я попытался вдохнуть поглубже (безуспешно) и задумчиво побрел обратно в дом.

Записку я разглядывал до самого вечера, но в тайну ее так и не проник. Кто принес ее? Откуда он знал, кого я ищу? Почему просто не зашел поговорить? Печатные буквы, ползущие вниз строчки. Что-то с этим письмом было не так, но я никак не мог сообразить, что именно.

Все мечтали сплавить меня на фабрику: и Бен, и Киран, и этот таинственный третий. Нельзя мне туда, там полно восставших, а если я встречу с кем-нибудь из них взглядом... Но бывает, что страх остаться там, где ты есть, становится сильнее, чем страх любого нового места, где можешь оказаться.

Показать записку Бену? Нет уж, с ним я не разговариваю. Покажу Молли. Я собрал волю в кулак, с кряхтением поднялся с бабушкиного стула и отправился на поиски.

Как же мне надоел мой костюм! Бутылочно-зеленый сюртук, темные брюки, уже не очень свежая рубашка и бежевый шейный платок – я в этом еще из Лондона выехал. При выходе из дома у меня и цилиндр был, но теперь уж и не вспомнить, когда я его лишился. Просить сменную одежду я боялся, ничего приличного у них все равно нет. Оденут меня, как Бена, в крестьянскую рубашку. Нет уж, спасибо.

Я шел по дому и прислушивался. Вряд ли Молли дома, но, с другой стороны, кто ее знает? О, и правда: из-за одной двери раздался ее голос. Я посмотрел в щелку прикрытой двери, как голодные сиротки на рождественских открытках заглядывают в праздничный зал. Так вот где Бен принимает пациентов! Чисто, аккуратно, много скляночек. На скамье с широко открытым ртом сидит мальчик, рядом – его встревоженная мать. Видимо, пациенты.

Правда, самого Бена в данный момент тут не было. Вместо него Молли в холщовом халате и с забранными под косынку волосами смазывала чем-то ярким горло мальчику.

Меня обожгла обида. Вот насколько, значит, спелись Бен и Молли. Она помогала ему, а вовсе не трудилась в полях, – он ее даже оставлял работать вместо себя! Я отступил от двери. Меня никто не заметил: что мне давалось теперь легко, так это тихая ходьба, даже половица под ногой не скрипнет. Должно же быть хоть какое-то преимущество и у меня.

Самым храбрым себя чувствуешь, когда терять нечего. Я сжал в кармане записку и пошел к входной двери. Всю жизнь рассчитывал только на себя, разок решил доверить дело другим – и вот куда это меня привело. Ну ничего, все возвращается на круги своя. Джон Гленгалл против всех, раунд первый. Я слышал, так говорят в боксе, которого мне ни разу не довелось увидеть.

Подогреваемый яростью и обидой, я вышел на улицу. Проходя мимо дома соседей, я почувствовал, что на меня пристально смотрят. Неужели мертвая старушка опять выбралась в сад? Очевидно, на фабрику ее так и не сдали, даже ради десяти шиллингов. Вот насколько некоторые любят своих родственников, в отличие от тебя, Бен!

Встречаться с ней взглядом не хотелось, и я так и не обернулся.

Раунд первый

Как часто бывает в жизни, легче что-то придумать, чем исполнить. Я был полон решимости отправиться на мертвую фабрику и найти того, кто знает про деревню праведников, чего бы мне это ни стоило, вот только понятия не имел, где эту фабрику искать. Так что я просто зашагал по пыльной дороге со звучным названием Плама-Бохар, нелепо переставляя ноги, как тумбы, и поминутно оглядываясь на уютно освещенный дом Молли. В глубине души я надеялся, что мое отсутствие немедленно обнаружат и бросятся следом с криком: «Стой, куда ты, нам будет тебя не хватать!» Но суровая правда состояла в том, что: а) никто не заметил и б) если бы заметили, вздохнули бы с облегчением.

И все же оглядываться я перестал, только когда дом окончательно скрылся за поворотом. Город сиял вдалеке тусклым скоплением огней, так что с направлением определиться было легко. Я шел и шел, впечатленный собственной мощью, но город едва приближался. А когда доберусь, куда мне там идти?

В конце концов я обессиленно остановился у хижины, перед которой горел костер.

– Добрый вечер, любезная леди, – сказал я женщине, энергично подбрасывавшей в огонь какой-то мусор. – Не подскажите, как найти мертвую фабрику Каллахана? Хочу сдать своего родича.

С самого начала моей речи она глядела на меня очень пристально. Я надеялся, что за пределами озаряемого огнем круга все теряется во тьме, но, похоже, моя красота видна была даже при столь скромном освещении. Женщина присмотрелась, охнула и, бросив кочергу, с визгом убежала в дом.

Я поковылял дальше, стараясь не думать о том, что однообразная ходьба утомительна, но приятна, другие восставшие не зря ее практикуют, – и тут мне повезло. Неблагозвучно горланя песни, навстречу брела парочка гуляк. Видно, хорошо повеселились в городе и теперь шли по домам. Вот он, простой способ

добраться до места, не тратя лишних усилий! Я враскачку побрел им навстречу. Вообще-то я постоянно так ходил, но тут усугубил это силой актерской игры, и эффект не заставил себя ждать.

- Мертвяк! – заорал один из них, и оба кинулись прочь.

Эх, даже перестарался. Я определенно мог бы стать актером, хоть это и не занятие для джентльмена. Пришлось нарочно замедлить шаг в надежде, что они вернуться. Такие ночные пьянчужки – люди самого низкого сорта, на их бирках было бы огромными буквами написано: «Люди без совести, заложат родную бабушку ради гроша на выпивку».

К счастью, я оказался прав: далеко они не убежали и уже через пару минут вернулись назад. Я остановился, тупо глядя перед собой.

- Э-эй... – Один из них, здоровяк, помахал рукой у меня перед носом. – Приятель, слышишь меня?

«Конечно нет! Что за дурацкий вопрос, веди меня быстрее на фабрику!» – чуть не сказал я.

А вдруг они вообще не в курсе, какой из меня выгодный товар? Одно было хорошо: все, кого я встретил в Ирландии, включая этих ребят, говорили по-английски, а не на своем тарабарском наречии, так что я их хотя бы понимал.

- На фабрике за таких десять шиллингов дают, – протянул второй, тощий, развеяв мою тревогу.

Мне неудобно было следить за их лицами, не отводя взгляда от горизонта, и все же я заметил: здоровяк нахмурился.

- Нехорошо это. Человек все-таки, а мертвых уважать надо. Эй, ты! – гаркнул он мне в ухо. – Ты чей? С какого двора?

«Да восставшие не понимают ничего, нашел с кем разговаривать!» – мысленно возмутился я, но из образа не вышел.

– Ладно, – вздохнул здоровяк. Уверен, он обдавал меня запахом виски, просто я не чувствовал запахи. – Надо походить поспрашивать. Одет так интересно, наверное, из города. Идем обратно. Доставим его домой, там обрадуются, все-таки родня!

– Да Питер, десять шиллингов! – простонал тощий, но здоровяк сурово зыркнул на него, и тот умолк.

Моя идея грозила пойти прахом, так что я потерял терпение, развернулся к этому внезапному образчику благородства, вытаращил глаза и надтреснуто проскрипел:

– Веди меня на фабрику! Не хочу домой!

Эффект получился что надо: когда я открыл рот, тощий взвизгнул, здоровый ахнул, они схватились друг за друга и побледнели в свете луны.

– Последние времена настали, – с чувством сказал тощий. – Ладно, давай-ка отведем его, раз такова его посмертная воля. А то еще проклянет нас.

Вот-вот. Мы наконец двинулись в нужном направлении. Гуляки притихли со страху и, к счастью, заговорить со мной не пытались. Через полчаса, утомившись окончательно, я просто завалился на дорогу и там лег в надежде, что ради десяти шиллингов они потрудятся меня поднять. И в самом деле: меня подхватили под руки и потащили дальше. Я блаженно обвис, волоча ноги по земле. Это было, конечно, унижительно, зато как удобно!

Я не понимал, как они ухитряются находить направление в такой темнотище, но мои провожатые, кажется, протрезвели от встречи со мной и уверенно сворачивали то налево, то направо. Наконец они замедлили шаг, и я понял: пришли.

Это необъятное кирпичное строение без окон мне сразу не понравилось. О красоте архитектуры строители точно не думали, даже ограда не радовала глаз: унылый частокол из острых железных прутьев. По ту сторону запертых ворот находилась тесная, уродливая беседка, укрыться в которой от дождя можно было бы, разве что нелепо замерев на одном месте. Именно в такой позе (вот только дождя не было) там стоял джентльмен в сером костюме-тройке. Его вид

меня немного успокоил: если ворота сторожат прилично одетые люди, значит внутри ничего страшного быть не может.

Здоровяк подпихнул меня к воротам.

– Вот. Мертвяк. Не наш, мы его просто нашли, – зачем-то уточнил он.

Джентльмен спокойно оглядел меня, потом отработанным движением вытащил из кармана монету и протянул гостям через прутья решетки.

– Нет, не надо, – забормотал здоровяк. – Как-то это...

Он потащил своего оробевшего товарища прочь, но тут же передумал, вернулся, схватил деньги, которые джентльмен безмолвно продолжал протягивать, и скрылся, не взглянув на меня. Когда они ушли, джентльмен невозмутимо отпер ворота – от того, как лязгнул замок, мне стало не по себе, – взял меня за локоть и повел. Я запоздало понял, чем мне не понравилась ограда: нужного человека я сейчас найду, но как мне потом выбраться обратно?

В здании было темно и тихо. Джентльмен в костюме-тройке отвел меня в тесную комнатку, зажег свечу – и внезапно начал обыскивать мои карманы. Я вздрогнул от неожиданности, но больше ничем старался себя не выдать. На столе уже лежала груда мелких предметов: монеты, часы, медали, подвески, письма, – видимо, я был не первым, кого обыскивал этот мародер. Да он вовсе не джентльмен, хоть и одет прилично! Я мысленно лишил его этого титула и смиренно замер. В карманах, к моему злорадному удовольствию, ничего не обнаружилось – драгоценную записку я еще дома спрятал в потайном кармашке бельевого панталон. Охранник разочарованно крикнул, взял свечу и повел меня дальше.

Мы зашли в просторное помещение. В темноте я не мог оценить его реальных масштабов, но кожей чувствовал: оно огромное. Его заполняли ровные ряды каких-то машин, похожих на печатный пресс, каким его изображают в учебниках: ручки, педали, шестеренки, стальные листы, – и перед каждым таким механизмом неподвижно стоял человек. Мне захотелось немедленно повернуть обратно. Свеча выхватывала из тьмы лишь несколько ближайших фигур, и все же я знал, как знаешь, глядя в гладкую озерную воду, что дно далеко: их гораздо больше. Мне стало страшно, хоть я и не мог ощутить страх так, как

живые. Что может быть хуже, чем ирландцы? Мертвые ирландцы. А еще хуже? Ожившие, да не совсем. Я хрипло втянул воздух, и охранник покосился на меня.

– Чего сипишь? – Он весело гоготнул. – Твои собратья, люби и жалуй.

Говорил он как человек из самых низших слоев общества, и от этого разонравился мне окончательно. Он подвел меня к одной из машин, крепко взял за плечи и поставил перед ней.

– Никуда не уходи, – сказал он, будто это весьма остроумная шутка, и ушел.

Где-то хлопнула дверь, и все стихло. Конечно, на месте я стоять не стал – замирая от страха, пошел вдоль рядов, изо всех сил стараясь не глядеть никому в глаза. Это оказалось не так уж трудно, когда никто не ловит твой взгляд. Главной задачей стало не напороться на толстые пучки каких-то веревок, разложенных на полу.

Все машины были одинаковыми, а люди – разными. Стояли, дремотно глядя в темноту едва приоткрытыми глазами. Кого тут только не было: женщины, мужчины, старики, дети, моряки, солдаты, ремесленники, купцы, молодые и старые, бедные и богатые, в костюмах самых разных сословий. Был даже один, судя по мундиру, генерал ирландской армии – правда, без медалей, и я даже не сомневался, кто эти медали прикарманил. Объединяло всех здесь лишь одно. Я почувствовал, как цепенею от страха в самом буквальном смысле. До этого я не видел столько восставших в одном месте, и только сейчас оценил масштабы того, что произошло при моем участии.

– Танамор, – на пробу произнес я.

Собственный голос показался мне оглушительным в этой мертвой – ха, и правда мертвой... нет, нет, это совсем не смешно, – тишине. Громче говорить я боялся – вдруг охранник ушел не так далеко? Главное – не дать страху парализовать меня окончательно, иначе не смогу двигаться.

– Танамор, – дрожащим голосом повторял я, двигаясь вдоль рядов. – Господа, вы не знаете, где деревня, в которой праведники его хранили? Мне очень нужно выяснить. Господа, дамы. Кто знает что-то про трилистник Мерлина? Эй!

Никто даже ухом не повел – похоже, они действительно ничего не слышали, – но я все равно продолжал идти. Чутье меня не обмануло, помещение было бескрайним. Я и не знал, что такие бывают! Раньше мне казалось, что самая просторная комната на свете – это либо конюшня, либо гимнастический зал. В конце концов я заплутал и отчаялся: ни машины, ни восставшие не заканчивались, а ответа не было.

Дойдя до какой-то стены (ура, наконец-то стена) я прислонился к ней и закрыл глаза. Мораль сказки про танамор в том, что жизнь – ничто без разума и души, но именно такую жизнь и вели восставшие, словно предостережение, оставленное Мерлином людям, воплотилось в жизнь столько веков спустя.

Уснуть я по-прежнему не мог, но как-то выпал из реальности. В этом вялом, ни капли не освежающем забытии мне виделась праведники, которых я должен отыскать: все как один бородатые, седые и похожие на хитрого мудрого Мерлина. Они сидели за круглым столом и осуждающе смотрели на меня, ждали, когда я верну то, что им принадлежит, и тогда они уйдут, уведут за собой мертвецов, а я...

Я резко открыл глаза. Напугало меня не то, где я оказался, это я сразу вспомнил, а то, что вокруг очень светло. А вдруг я опять отключился на несколько дней? Я завертел головой и понял, что стою в том же помещении, – в утреннем свете краше оно не стало, – а свет падает откуда-то сверху.

Ого! Я задрал голову. Окна тут отсутствовали, зато потолок был стеклянный, как в оранжерее. Я невольно залюбовался ярко-синим небом. Похоже, все кажется прекраснее, когда смотришь из заточения.

Главный же сюрприз был в том, что я стоял там же, куда меня вечером поставил охранник. Как я сюда дошел в темноте? Может, меня кто-то переставил? При мысли об этом меня передернуло от отвращения.

Лязгнула дверь, и я замер неподвижно, как чучело. О, знакомый охранник! Значит, есть надежда, что сейчас утро того же дня, а не какого-то еще. Он пошел вдоль рядов, и рядом с каждой машиной проделывал одно и то же: раскручивал большую ручку, торчащую из механизма, потом брезгливо брал руку восставшего за манжет и брякал его ладонь на эту ручку. Восставший слабо сжимал пальцы, а охранник переходил к следующему. Я был невольно

впечатлен: похоже, Бен прав. Начав какое-то движение, восставшие не могли его прекратить, продолжали бесконечно, как ходьбу. Я криво усмехнулся, пытаюсь подавить страх.

Подойдя ко мне, охранник внезапно потянулся к моей шее и начал развязывать платок.

– Богатенький ты, новичок. Ну, был, – одобрил он. – Платок вроде шелковый.

Я сжал зубы. Уж конечно шелковый! Мысленно ответил: «Подавись, тебе этот цвет все равно не пойдет», но внешне и бровью не повел. Охранник раскрутил ручку моей машины и шлепнул на нее мою вялую ладонь, держа за манжет. Я послушно продолжил движение, чтобы не вызвать подозрений, но, не удержавшись, слегка покосился на охранника. Тот отшатнулся.

– Брр. Чего только не померещится, – пробормотал он и зашаркал дальше.

Одного я не предусмотрел: крутить ручку оказалось приятно, вот прямо как идти по дороге вчера вечером, – похоже, мозг в нашем частично оживленном состоянии и правда любил повторяющиеся движения. Очнулся я с трудом. Охранника в зале уже не было, повсюду стоял оглушительный треск машин. Все мирно работали, и если восставшим хоть что-то могло нравиться, то это им определенно нравилось: волшебную силу кручения ручки я испытал на себе. Я заматал головой, сбрасывая наваждение.

– Кто знает про деревню, где хранился танамор? – с трудом перекрикивая шум машин, опять затянул я ту же песню. – Говорите или я ухожу!

Ничего. Повсюду одинаковые, пугающе размеренные движения. Я прошелся по залу еще раз, с особым вниманием поглядывая на стариков. Что, если здесь кто-то из той самой деревни? Я восхитился своей мыслью. Заговор хранителей танамора! Возможно, записку мне тайно передал один из хранителей!

Но результат поисков оказался нулевым: старики выглядели самыми безмятежными и сонными из присутствующих, никто мне не подмигивал и знаков не делал. Зато я выяснил, пусть это и было бесполезно: многочисленные веревки на полу оказались не веревками, а проводами вроде того, какой был подключен к оживляющей машине Бена.

– Да ну вас всех, – буркнул я и пошел к двери. – Ничего тут нет, надо убираться отсюда.

И тут я краем глаза заметил движение в углу зала, не похожее на кручение механической ручки.

Наконец-то! Я знал, знал, что кто-то здесь живет остальных! Он выскользнул через дверку в углу, которой я поначалу и не заметил, и я бодро заковылял следом. Ха! Не зря пришел!

За дверкой оказался коридор, по которому стремительно удалялся человек. Шел он удивительно бодро для мертвеца, я за ним едва поспевал, стараясь глядеть куда угодно, только не ему в спину: вдруг обернется и встретится со мной взглядом?

Но улепетывающий работник фабрики не обернулся. Он деловито свернул в другой коридор, потом еще в один – сколько их здесь?! – а потом поразил меня до глубины души. За очередным поворотом обнаружилась витая кованая лесенка – непреодолимая преграда для любого восставшего, поскольку ноги у них (и у меня тоже, если честно) плохо сгибаются. А вот этот тип на моих глазах поднялся по лестнице. Взбежал, как горный козел, и скрылся!

С мысленным стоном, держась за перила, я дополз до верха лестницы, но там уже никого не было. Во все стороны уходили коридоры с дверями, – насколько же велико это здание? Тут было светло и пусто, через все тот же стеклянный потолок падал нежный утренний свет. Я тихо пошел по самому широкому коридору. Некоторые двери были закрыты, некоторые – нет, и туда я заглядывал. За ними обнаружились небольшие комнатенки: свежая побелка на стенах, ни окон, ни мебели, разве что стул где-нибудь попадет. Видимо, все это недавно построили, но еще не успели обставить. Одна из закрытых дверей была совсем не похожа на остальные: толстая, стальная. Из любопытства я приложил к ней ухо, но там было тихо, и я пошел дальше.

В конце коридора пространство выглядело более обжитым: просторная комната со столом и стулом, в дальней стене закрытая дверь. Тут же обнаружился давешний мертвец – сидел под столом, устроившись так, чтобы его было как можно меньше видно.

Я заколебался, решая, скрыться мне или еще побродить, а он высунул голову и глянул прямо на меня. Наши глаза встретились сразу, без подготовки, я не успел даже дернуться, о нет, нет, вот сейчас я опять застряну в сцене чьей-то смерти, а очнусь через пару дней! Но ничего не произошло, и я понял сразу две вещи.

Первое: я ничего не почувствовал, потому что это не мертвец.

Второе и основное: фальшивый мертвец – это...

– Киран?! – ошарашенно пробормотал я.

Я уж думал, меня ничем больше не удивить. Нет, вы полюбуйте! Странный братец Молли и здесь до меня добрался! Почему он не дома? Я нахмурился, пытаюсь понять, что происходит, но тут в коридоре послышались шаги, Киран сорвался с места, дернул меня за рукав и утянул под стол. От проема, ведущего в коридор, нас надежно закрывали ящики стола, но я высунулся, чтобы самым краешком глаза глянуть, что происходит.

В комнату вошли двое, одетые так же, как охранник, укравший мой шейный платок, в серые костюмы-тройки. Лица у них, впрочем, тоже были не джентльменские, и это несоответствие костюма и внешности меня как любителя нарядов искренне задело. Киран крепко сжал мой локоть – я бы сказал, до боли, если бы мог ее чувствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sobol-_ekaterina/tanamor-prizrachnyy-syschik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)